

Таким образом, модернизация миграционного законодательства в части ужесточения ответственности в условиях новых вызовов в России преимущественно направлена на обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, так как основная цель данных изменений связана с оперативным выявлением и выдворением из Российской Федерации иностранных граждан, представляющих угрозу общественной безопасности и правопорядку.

Список цитированных источников

1. Трифонов, С. Г. К вопросу об уточнении содержания термина «миграция» // Муромцевские чтения. Неопределенности права в доктрине, законодательстве и юридической практике: сб. науч. тр.; М-во науки и высш. образов. Российской Федерации; ФГБОУ ВО РГГУ. – 2021. – С. 341–348.

2. Воронина Н. А. Законодательство об адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: тенденции развития // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та МВД России. – 2019. – № 3 (83). – С. 63–82.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в целях повышения эффективности федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции) [Электронный ресурс]: законопроект № 614967-8. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/614967-8>. – Дата доступа: 08.07.2024.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНА НАРКОТИКИ В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ

Харевич Дмитрий Людвинович

*доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета
криминальной милиции учреждения образования*

«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,

кандидат юридических наук, доцент

dmitryharevich@mail.ru

В нормативных правовых актах в различных комбинациях используется четыре словосочетания: «наркотическое средство», «психотропное вещество», «прекурсор наркотического средства или психотропного вещества», «аналог наркотического средства или психотропного вещества». Как можно заметить, лексические единицы достаточно громоздкие. Насколько оправдано их использование? Нельзя ли обойтись более лаконичной формулировкой?

До имплементации Единой конвенции ООН о наркотических средствах 1961 г. (г. Нью-Йорк, 30 марта 1961 г.) (далее – Конвенция ООН 1961 г.) все контролируемые психоактивные вещества в законодательстве нашей страны перечислялись непосредственно в правовых нормах. Последующий рост количества таких веществ и неудобство их перечисления в диспозиции статьи вызвали необходимость использовать в ст. 75, 219

и 221 Уголовного кодекса БССР 1960 г. термины «наркотическое вещество», «наркотическое средство», «наркотик».

Эти изменения обязаны своим появлением международным конвенциям, определившим глобальный порядок контроля над их оборотом. Одним из базовых положений указанных конвенций является деление контролируемых веществ на наркотические средства и психотропные вещества. С научной точки зрения оно не вполне последовательно, ему присущи определенные противоречия [1, с. 35–40; 2, с. 3], отсутствие концептуальной основы и отличительных признаков отнесения веществ к одной из указанных категорий [3]. Так, непоследовательным является отнесение ряда галлюциногенов (каннабиноидов), имеющих одинаковое психоактивное основание, к разным группам: если марихуана, гашиш, гашишное масло, лист шалфея предсказателей являются наркотическими средствами, то их наиболее психоактивные компоненты – тетрагидроканнабинол и сальвинорин А – психотропными веществами. Помимо этого, использованное в русскоязычной версии Конвенции ООН 1961 г. понятие «наркотическое средство» не соответствует тому содержанию, которое было использовано в ее англоязычной версии. Его появление противоречиво и привнесено при переводе Конвенции ООН 1961 г. на русский язык.

Появление в законодательстве понятия химических веществ – прекурсоров обязано принятием Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. (г. Вена, 20 декабря 1988 г.). Можно выделить такое свойство, отличающее прекурсоры от наркотических средств (психотропных веществ), как возможность их использования при изготовлении, производстве и переработке наркотических средств, психотропных веществ. В связи с этим может возникнуть предположение о его рассмотрении в качестве основания для разделения прекурсоров и психоактивных веществ (наркотических средств и психотропных веществ). Однако многие наркотические средства и психотропные вещества сами являются предшественниками (прекурсорами) других психоактивных веществ. Например, из маковой соломы можно изготовить большое количество опиатов; из марихуаны – каннабиноидов растительного происхождения. Некоторые наркотические средства (маковая солома, кокаиновый куст) практически не используются как объект незаконного потребления, выступая в большинстве случаев именно в роли прекурсора. С другой стороны, некоторые прекурсоры (бутиролактон, лизергиновая кислота, эргометрин) могут использоваться для достижения психоактивного воздействия, что приводит к развитию зависимости.

Таким образом, деление контролируемых веществ на психоактивные вещества (наркотические средства, психотропные вещества) и их прекурсоры также не имеет единого основания и отличительных критериев с точки зрения их свойств.

При имплементации нашей страной норм антинаркотических конвенций ООН многие внутренние противоречия указанных международных соглашений были восприняты законодательством Белорусской ССР и Республики Беларусь. В 1999 г. был принят новый УК, в котором круг веществ, незаконный оборот которых подлежал криминализации, был расширен за счет добавления психотропных веществ и прекурсоров, а в 2012 г. – их аналогов. К контролируемым веществам были добавлены изомеры наркотических средств, психотропных веществ; их простые и сложные эфиры, соли, смеси и комбинации, что уже не могло быть отражено в терминологии доступными средствами юридической техники. Это привело к утрате лаконичности правовых норм без адекватного роста их информационной составляющей.

Изучение составов наркопреступлений показывает, что в современном уголовном праве нет существенных различий в правовой регламентации оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Они используются преимущественно как равнозначные понятия, а имеющиеся исключения не являются принципиальными. В отличие от этого прекурсоры не указаны в ч. 5 ст. 328, ст. 328-2, 331, 332 УК. Указанное положение объясняется, на наш взгляд, тем, что законодатель не ассоциирует оборот прекурсоров с их потреблением, влекущим за собой негативные последствия. Нами показана условность такого допущения: некоторые прекурсоры могут вызвать состояние наркотического опьянения, формируя при этом зависимость, а также приводить к тяжелым последствиям для здоровья, смерти. Прекурсоры также не упомянуты в ст. 329 УК, хотя некоторые из соответствующих веществ содержатся в растениях, грибах и при достижении определенной концентрации рассматриваются как прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ. Например, в ст. 228.3 УК Российской Федерации установлена ответственность за незаконные приобретение, хранение или перевозку растений либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ.

В целом можно говорить об отсутствии принципиальных препятствий для указания прекурсоров в рассматриваемых статьях УК наряду с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами, хотя эти вопросы, безусловно, требуют самостоятельной детальной проработки.

Анализируя правовые механизмы разграничения режима оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов в правомерных видах деятельности, можно отметить, что их основой в большей степени является не классификация на перечисленные категории, а деление веществ на списки и таблицы.

Аргументом в пользу существующего деления на наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры является необходимость соблюдения положений антинаркотических конвенций ООН. Доводом

против этого выступает диспозитивность соответствующих положений конвенций, которая не обязывает формировать национальное законодательство в точном соответствии с ними. Например, в Великобритании и Германии психоактивные вещества не делятся на наркотические средства и психотропные вещества, для их обозначения используется один термин [1, с. 40–41; 4, с. 86–87]. В СССР многие психотропные вещества рассматривались как наркотические средства либо сильнодействующие вещества, что не являлось нарушением Конвенции ООН о психотропных веществах 1971 г. (г. Вена, 21 февраля 1971 г.), поскольку обеспечивало адекватный нормам глобальных конвенций режим контроля над оборотом указанных средств и веществ [1, с. 41–43, 66, 68].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что по мере увеличения количества контролируемых веществ объем обозначающего их понятия возрастал, что влекло за собой расширение числа используемых терминов. Это привело к значительному разрыву между лексической единицей и содержанием понятия, утере лаконичности правовых норм. На определенном этапе данного процесса используемое словосочетание перестало отражать весь спектр контролируемых веществ, оказалось «тесным» для связанного с ней понятия, а термин «наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги» превратился в сложную отсылочную норму.

Деление находящихся под контролем психоактивных веществ на наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги не вполне обосновано и лексически избыточно.

В нормативных правовых актах мы предлагаем использовать для их обозначения термин «наркотики», охватывающий всю совокупность веществ, подлежащих контролю. Это позволит достичь лаконичности правовых норм, улучшить их восприятие, будет соответствовать принципу лексической экономии языка закона.

Список цитированных источников

1. Бабаян, Э. А. Некоторые проблемы терминологии в области наркотических средств / Э. А. Бабаян, А. В. Гаевский, Е. В. Бардин // Правовые аспекты оборота наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ и прекурсоров. – М., 2000. – С. 4–14.

2. Международные конвенции о контроле над наркотиками: история, достижения и проблемы // Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2008 г. / Междунар. комитет по контролю над наркотиками. – Вена, 2009. – С. 1–15.

3. Харевич, Д. Л. Прикладные аспекты критериев деления на наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, аналоги / Д. Л. Харевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2024. – № 1 (66). – С. 74–77.

4. Анисимов, Л. Н. Наркотики: правовой режим. Международно-правовые и внутригосударственные проблемы регулирования производства, применения, и распространения наркотических и психотропных веществ / Л. Н. Анисимов. – Л. : Ленинград. ун-т, 1974. – 143 с.